Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-439-444

ПРИХОДЬКО Наталья Валентиновна,
аспирант Автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский университет «Синергия»,
e-mail: nvmurm@gmail.com

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК МЕХАНИЗМ СДЕРЖИВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ И АНГЛОСАКСОНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье проводится сравнительный анализ института субсидиарной ответственности в российском праве и доктрины снятия корпоративной вуали (piercing the corporate veil) в англосаксонском праве как инструментов противодействия корпоративным злоупотреблениям. Особое внимание уделяется исследованию правовых основ, условиям привлечения к ответственности, ключевых прецедентов и эффективности данного механизма в обеих юрисдикциях. Цель статьи – выявить сходства и различия в подходах к субсидиарной ответственности в России и англосаксонской правовой семьи (на примере США), оценить их сдерживающий потенциал и предложить направления совершенствования российского подхода с учётом зарубежного опыта.*

Методология исследования включает: сравнительно-правовой метод – сопоставление норм российского законодательства и прецедентного права США; формально юридический метод – анализ нормативных актов, судебных решений и доктринальных источников; системный подход – изучение места субсидиарной ответственности в системе мер противодействия корпоративным злоупотреблениям.

Результаты исследования показывают различия в подходах к основаниям привлечения к ответственности (в англосаксонском праве доктрина «снятия корпоративной вуали», в России конкретизированные законом составы); более широкую судейскую дискрецию в англосаксонских юрисдикциях; тенденции к ужесточению российского регулирования в части доказывания причинно следственной связи и вины контролирующих лиц; общие цели института в виде сдерживания недобросовестного поведения и защита кредиторов при разных процессуальных механизмах их достижения. Полученные выводы могут быть использованы для совершенствования российского законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: *субсидиарная ответственность, корпоративные злоупотребления, снятие корпоративной вуали, контролирующие лица, банкротство.*

PRIKHODKO Natalya Valentinovna,
Postgraduate student at the Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education «Moscow University «Synergy»

SUBSIDIARY LIABILITY AS A MECHANISM FOR DETERRING CORPORATE ABUSES IN RUSSIAN AND ANGLO SAXON LAW

Annotation. *The article provides a comparative analysis of the institution of subsidiary liability in Russian law and the doctrine of piercing the corporate veil (piercing the corporate veil) in Anglo-Saxon law as tools to counter corporate abuses. Particular attention is paid to the study of the legal foundations, conditions for imposing liability, key precedents, and the effectiveness of this mechanism in both jurisdictions. The aim of the article is to identify similarities and differences in approaches to subsidiary liability in Russia and in the Anglo-Saxon legal family (using the USA as an example), assess their deterrent potential, and propose ways to improve the Russian approach taking into account foreign experience.*

Methodology of the study includes: the comparative legal method – comparing the norms of Russian

legislation and the case law of the United States; the formal legal method – analyzing regulatory acts, court decisions and doctrinal sources; a systems approach – studying the place of subsidiary liability within the system of measures to counter corporate abuses.

The research findings show differences in approaches to the grounds for imposing liability (in Anglo Saxon law – the doctrine of «piercing the corporate veil»; in Russia – legally specified liability bases/offence compositions); broader judicial discretion in Anglo Saxon jurisdictions; trends towards stricter regulation in Russia regarding the burden of proof for causation and the fault of controlling persons; common goals of the institution, deterring unfair conduct and protecting creditors, achieved through different procedural mechanisms. The obtained conclusions can be used to improve Russian legislation and its enforcement practice.

Key words: *subsidiary liability, corporate abuses, piercing the corporate veil, controlling persons, bankruptcy.*

Рост числа корпоративных злоупотреблений, включая вывод активов, создание фиктивной задолженности и умышленное доведение до банкротства актуализирует вопрос эффективных механизмов защиты интересов кредиторов. Одним из таких инструментов выступает институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа корпоративных злоупотреблений в РФ и необходимостью эффективного противодействия в условиях развития рыночных отношений. В России и странах англосаксонской правовой семьи субсидиарная ответственность выступает ключевым механизмом защиты прав кредиторов и сдерживания недобросовестных действий контролирующих лиц. Особую значимость вопрос приобретает на фоне увеличения количества дел о банкротстве и попыток уклонения от обязательств через использование корпоративных структур.

По данным сайта Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) в 2025 году в РФ к субсидиарной ответственности было привлечено 5 549 лиц, что на 32 % больше, чем в 2024 году. Доля удовлетворенных заявлений составила 42,4 %. Размер ответственности привлеченных лиц вырос до 535,9 млрд рублей, что на 61,6 % больше, чем в 2024 году (331,6 млрд руб.).

Официальная статистика по применению доктрины «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil) в США за 2025 год в открытых источниках отсутствует. Это связано с особенностями правовой системы США и применения самой доктрины.

В США корпоративное право в основном регулируется на уровне отдельных штатов, а не на федеральном уровне. В США нет единой базы данных, которая бы фиксировала все случаи ее использования. Доктрина снятия корпоративной вуали относится к праву справедливости (equity), и ее применение зависит от конкретных обстоятельств дела. Суды оценивают каждый случай индивидуально, учитывая совокупность факторов (например, отсутствие самостоятельности юридического лица, использование его в противоправных целях).

В разных штатах используются разные критерии для применения доктрины. Например, в Нью-Йорке суды учитывают такие факторы, как соблюдение корпоративных формальностей, достаточность капитала компании, использование средств юридического лица для личных целей. В других штатах могут применяться иные подходы (например, доктрина «alter ego» в Калифорнии). Кроме того, снятие корпоративной вуали в США считается экстраординарной мерой, которая применяется только в исключительных случаях в отличие от РФ (как показывает правоприменительная практика).

Новизна работы заключается в комплексном сравнительно-правовом анализе института субсидиарной ответственности, применяемой в Российской Федерации, и применению доктрины «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil), применяемой в США.

На основе анализа судебной практики, применяемой судами в РФ за 2025 год и 1-е полугодие 2026 года, и практики применения доктрины в США, в статье будет дана оценка тенденций развития правового регулирования в обеих системах, а также рекомендации по совершенствованию российского законодательства в части привлечения к субсидиарной ответственности в будущем с учетом зарубежного опыта.

В российском праве основным механизмом по сдерживанию корпоративных злоупотреблений является механизм привлечения к субсидиарной ответственности как в рамках дела о банкротстве юридических лиц, так и вне рамок дела о банкротстве.

Основаниями для привлечения к ответственности могут стать такие факторы как:

– неисполнение обязательств должника из-за действий/бездействия контролирующих должника лиц (далее – КДЛ);
– доведение компании до банкротства;

– отсутствие или искажение бухгалтерской документации;
– совершение сделок, причинивших вред кредиторам.

Под ответственности попадают руководители, учредители, бенефициары, фактически определявшие действия компании, и иные лица, извлекавшие выгоду из недобросовестного поведения. Особенностями привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с российским законодательством является: презумпция вины КДЛ при доказанности причинно-следственной связи; возможность привлечения номинальных директоров; расширенное толкование понятия «контролирующее должника лицо».

В странах общего права (Common Law) (Великобритания, США, Канада) прямого аналога субсидиарной ответственности нет. Вместо этого применяется доктрина «piercing the corporate veil» – «снятие корпоративной вуали», позволяющая обойти принцип ограниченной ответственности акционеров. Условиями для ее применения могут стать такие факторы как: использование компании как «alter ego» владельца, смешение активов компании и личных активов, мошенничество или обход закона, игнорирование корпоративных процедур. Особенностями применения данной доктрины является высокая планка доказывания, редкое применение доктрины судами, акцент на доказательстве умысла.

В США существует достаточно много различных факторов, которые увеличивают вероятность «прокалывания корпоративной вуали». В зависимости от типа используемого приема «проникновения», позиции судов конкретного американского штата и конкретных обстоятельств дела суд может потребовать от истца установления одного или сразу нескольких факторов «проникновения».

Главными отличиями подходов к привлечению к ответственности в России и США являются:

1) цели механизма: защита кредиторов при банкротстве (РФ)/пресечение злоупотреблений принципом ограниченной ответственности (США);
2) бремя доказывания: частично на заявителе по обособленному спору - кредитор, арбитражный управляющий (РФ)/ на истце в полном объеме (США).

Также стоит отметить разницу в частоте применения мер по привлечению к ответственности. В РФ судам приходится рассматривать тысячи дел ежегодно. Только в 2025 году было подано 5 075 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности (по данным сайта ЕФРСБ). В США подобные обращения составляет единичные случаи, что обусловлено более высокими судебными расходами по обращению в суд с иском, а также более размытыми критериями доказывания.

С учетом частоты применения и количества рассматриваемых в российских судах дел, можно сделать вывод о более формальном подходе РФ к применению мер по привлечению к ответственности за недобросовестное поведение и доведение компании до банкротства в целом в совокупности с более четкими и понятными для истца критериями доказывания.

Так, например, Быканов Д.Д. в своем исследовании подробно рассматривает концепцию «проникающей ответственности» (piercing the corporate veil), характерную для англосаксонского права. По мнению Быканова Д.Д. «основные факторы, которые влияют на вероятность «проникновения», группируются следующим образом:

– Введение в заблуждение – обман кредиторов посредством использования подконтрольной корпорации;
– Несоблюдение корпоративных процедур – пренебрежение корпоративными формальностями внутри зависимого юридического лица (ненадлежащее хранение протоколов собраний акционеров и совета директоров, проведении собраний совета директоров, и т.д.);
– Смешение имущества - перемешивание активов юридического лица и его доминирующего участника как частный случай проявления нарушения принципа имущественной обособленности корпорации;
– Смешение сфер деятельности может говорить о высоком уровне контроля и доминировании над зависимым юридическим лицом;
– Недокапитализация – недостаточная капитализация зависимой организации представляет собой фактический дефицит имущества, необходимого для начала либо продолжения предпринимательской деятельности подконтрольной корпорации;
– Доминирование – в случае, если контролирующий участник компании выходит за пределы своей компетенции и вторгается в оперативную деятельность руководителя, то такой участник и должен подлежать ответственности сообразно правилам, сходным с правилами об ответственности руководителя;
– Несправедливость - требование справедливости в американском праве играет роль «запасного» варианта на случай, если предыдущие факторы «проникновения» отсутствуют, не установлены, либо слабо себя

проявляют, однако обстоятельства дела не позволяют смириться с очевидно несправедливым результатом». [2, с. 145-146].

При таком подходе отмечает Быканов Д.Д., возникает неясность, как могут применяться судами США на практике такие трактовки как «введение в заблуждение» или «требования справедливости», поскольку они являются размытыми, и могут применяться каждым судьей в зависимости от своего субъективного мнения. Более того, в таких случаях, когда суды руководствуются довольно расплывчатыми критериями, остается неясным: требуется ли присутствие всех таких факторов или достаточно одного или некоторых из них, и все ли критерии равны или одни из них имеют большее значение. Применение механизма привлечения к субсидиарной ответственности в РФ выглядит более структурированным, в том числе в плане доказывания вины КДЛ с учетом критериев, ограниченных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127 ФЗ (далее – Закон о банкротстве).

Долгорукий А.И. в своем исследовании проводит параллели между российской субсидиарной ответственностью и зарубежной доктриной, отмечая их функциональное сходство при существенных различиях в механизмах реализации. Тем не менее, в своей статье Долгорукий А.И. делает вывод о том, что «применение рассматриваемой доктрины в отечественном правопорядке должно быть в исключительных случаях при исчерпании иных инструментов и невозможности дальнейшего рассмотрения спора (по аналогии с зарубежными государствами)» [4, с.68].

Пархоменко А.Д. подчёркивает вариативность подходов к снятию корпоративной вуали в разных юрисдикциях, отмечая более жесткие требования к доказыванию в странах общего права по сравнению с российской системой. В пример Пархоменко приводит дело Laya v. Erin Homes, Inc, в котором судья МакХью привел перечень из 19 пунктов, свидетельствующих о том, что корпоративная вуаль может быть снята. [7, с.38].

В российском праве по мнению Дедковой Е.А. существенными преимуществами привлечения к субсидиарной ответственности являются защита кредиторов, сдерживающий эффект для КДЛ и укрепление правопорядка в целом, что способствует добросовестному управлению, создавая стимулы для контролирующих лиц действовать в интересах компании [3, с. 19].

Емалтынов А.Р. обращает внимание на имеющуюся в РФ возможность уменьшения размера ответственности при раскрытии информации о КДЛ, что может служить стимулом к сотрудничеству с судом [5, с. 44]. Однако, преимущества порождают и минусы в виде риска злоупотреблений со стороны кредиторов, разнообразия подходов судов по применению судебной практики и сложностей по определению круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности.

Что касается англо-саксонского подхода стабильность корпоративных отношений на примере США является существенным плюсом в случае применения доктрины. К минусам, как отмечает Быканов Д.Д., можно отнести такие факторы как: сложность доказывания, отсутствие превентивных мер, расплывчатость критериев «снятия корпоративной вуали», которые представляют собой обратную сторону гибкости американской правой системы. [2, с.161].

Теория «корпоративной вуали» имеет давние корни и зародилась еще в 1897 году, когда в деле Salomon v. Salomon & Co. [1897] английский суд сформулировал один из постулатов современного корпоративного права: компания является самостоятельным субъектом права, имущество компании не является имуществом его участников, последние не отвечают за долги компании. Этот постулат, известный как принцип ограниченной ответственности, нашел повсеместное закрепление в гражданском законодательстве.

Хрестоматийным примером применения концепции «снятия корпоративной вуали» в американском праве стало дело Walkovszky v. Carlton [1966, USA]. В этом деле суд рассматривал условия, при которых корпорация может быть признана alter ego («другим я») её владельца, что позволяет привлечь последнего к личной ответственности по обязательствам компании.

В деле Prest v. Petrodel Resources Ltd. [2013, UK] произведено разграничение имущественного и корпоративного подходов. Верховный Суд Соединенного Королевства нашел возможным признать активы компаний, контролируемых супругом, его бенефициарной собственностью и восстановить приказ о передаче их бывшей супруге. Судом подтвержден выраженный в решении Палаты Лордов по делу Salomon v. Salomon & Co [1897] принцип обособленности юридической личности компании, обладающей юридической и бенефициарной собственностью на свои активы [12, с.170].

Субсидиарная ответственность в российском законодательстве впервые появилась только лишь в 1994 году с принятием части 1 Гражданского кодекса РФ. Фактически на практике данный механизм не нашел своего применения вплоть до 2017 года. Ключевым этапом реформы стало принятие Федерального закона от 29 июля 2017 года № 266-ФЗ, который дополнил Закон о банкротстве новой главой III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в

деле о банкротстве». Судебная практика по привлечению к субсидиарной ответственности в российском праве продолжает активно формироваться.

В связи с имеющимися в судебной практике вопросами, а также а также в целях обеспечения правильного и единообразного применения положений законодательства Верховный суд РФ (далее - ВС РФ) в декабре 2025 года выработал новые подходы к привлечению владельцев обанкротившихся компаний и других лиц к субсидиарной ответственности по долгам таких организаций, а также обновил подходы к расчетам размера субсидиарной ответственности и ее персонализации [11].

Ключевые позиции, отраженные в Постановлении Пленума ВС РФ № 42 от 23 декабря 2025 г.:

- возложение на контролирующее лицо компенсации убытков не препятствует в дальнейшем привлечению его к субсидиарной ответственности в части, не покрытой ранее взысканной суммой;
- при привлечении к субсидиарной ответственности членов Совета директоров или Правления несостоятельной компании необходимо применять индивидуальный подход, «оценке подлежат возражения и доказательства каждого отдельного ответчика» [11, с. 2];
- при установлении размера субсидиарной ответственности контролирующие лица теряют право ссылаться на необоснованность включения ранее включенной в реестр задолженности, если они не выразили возражений против этого при формировании реестра [11, с. 6].
- допускается возложение на наследников обязательств умершего гражданина, который ранее был привлечён к субсидиарной ответственности в связи с банкротством его компании.

Серьезным изменением к подходу в привлечении к субсидиарной ответственности стал факт того, что ВС РФ в 2025 году допустил возможность освобождения бенефициаров и топ-менеджеров обанкротившегося бизнеса от субсидиарной ответственности в процессе их личного банкротства. Эта позиция ВС РФ нашла свое отражение в «Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан», утвержденном президиумом ВС РФ 18 июня 2025 [10]. «Должник может быть освобожден от обязательств при отсутствии в период причинения вреда умысла или грубой неосторожности в его действиях, а также в случае добросовестного поведения во время процедуры банкротства» – говорится в Обзоре [10, с. 71]. Ранее считалось, что в банкротстве долги по субсидиарной ответственности списанию не подлежат.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что повышение эффективности механизма привлечения к субсидиарной ответственности в России с учетом опыта применения доктрины в англо-саксонской системе возможно за счет: развития превентивных инструментов (таких как, усиление на законодательном уровне контроля за внутренним аудитом крупных сделок); усиление роли судебно бухгалтерской экспертизы в делах о банкротстве; повышение прозрачности бенефициарного владения; заимствование Россией акцента на доказательстве умысла (на примере США).

В связи мировой цифровизацией экономики и сложностью отслеживания бенефициаров, усилением международного сотрудничества в борьбе с отмыванием денег в англосаксонских юрисдикциях возможен рост числа дел о снятии корпоративной вуали. Для США был бы полезен опыт РФ по установлению более четких презумпций выгоды для определения бенефициара и аффилированных с ним лиц, выявления негативных последствий для компании и установления причинно-следственных связей действия/бездействия бенефициаров, а также опыта привлечения номинальных лиц с целью раскрытия информации о конечном бенефициаре и его активах, в том числе скрытых и осужденных.

Субсидиарная ответственность и доктрина снятия корпоративной вуали выполняют схожую функцию – сдерживание корпоративных злоупотреблений. Однако, российский подход более ориентирован на защиту кредиторов, тогда как англосаксонский подход делает ставку на стабильность бизнеса и требует убедительных доказательств умысла. Гармонизация этих моделей могла бы повысить эффективность борьбы с недобросовестными практиками, сохранив баланс интересов бизнеса и кредиторов. Дальнейшее развитие института в России должно идти по пути дальнейшей конкретизации норм и усиления превентивной функции.

Список литературы:

[1] Белясов С.Н., Щербинина И.В. Руководитель и иные контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности в процессе банкротства: понятие и квалифицирующие признаки // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 1. – С. 36 - 41.

[2] Быканов Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве // Диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук. – 2018. 269 с.

[3] Дедкова Е.А. Актуальные проблемы и перспективы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в России // Журнал Universum: экономика и юриспруденция, 2025. 21 с.

[4] Долгорукий А.И. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника в российском праве как снятие корпоративной вуали в зарубежном праве. Юридическая наука, 2021. 70 с.

[5] Емалтынов А. Р. Процессуальные аспекты уменьшения размера субсидиарной ответственности в связи с раскрытием информации о контролирующих лицах // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 5. С. 43 – 47.

[6] Михайлов Д.Ю. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве по законодательству России и США// Образование и право, 2022. с. 146.

[7] Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве// Актуальные проблемы российского права. 2021. С. 35-44.

[8] Толмачева И.А. Понятие и правовая природа субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства по законодательству Российской Федерации // Юридическая наука №8, 2021. 30 с.

[9] Шагиев Б. В., Камышов А.А. Возникновение и развитие института субсидиарной ответственности в новейшей истории России. /Образование и право, 2023. № 2. 371 с.

[10] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 года) // КонсультантПлюс.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 42 от 23 декабря 2025 г. «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // КонсультантПлюс.

[12] Решение Верховного Суда Соединенного Королевства от 12.06.2013 Prest v. Petrodel Resources Ltd// Правоведение, 2013, № 5 (310)

References:

[1] Belyasov S.N., Shcherbinina I.V. Head and other persons controlling the debtor as subjects of subsidiary liability in the bankruptcy process: concept and qualifying features//Arbitration and civil proceedings. – 2021. – № 1. - S. 36 - 41.

[2] Bykanov D.D. “Penetrating responsibility” in foreign and Russian corporate law//Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – 2018. 269 pp.

[3] Dedkova E.A. Actual problems and prospects of subsidiary liability of persons controlling the debtor in Russia//Universum Magazine: Economics and Jurisprudence, 2025. 21 pp.

[4] Dolgoruky A.I. Subsidiary liability of controlling persons of the debtor in Russian law as removal of the corporate veil in foreign law. Legal Science, 2021. 70 s.

[5] A. R. Emaltynov. Procedural Aspects of Reduction of Subsidiary Liability in Connection with Disclosure of Information on Controlling Persons// Arbitration and Civil Procedure. – 2020. – № 5. S. 43-47.

[6] Mikhailov D.Yu. Subsidiary liability in bankruptcy cases under the legislation of Russia and the USA//Education and Law, 2022. from. 146.

[7] Parkhomenko A.D. Similarities and differences in approaches to the legal regulation of subsidiary liability of persons controlling the debtor in Russian and foreign law//Current problems of Russian law. 2021. S. 35-44.

[8] I.A. Tolmacheva. Concept and legal nature of subsidiary liability in bankruptcy proceedings under the legislation of the Russian Federation// Legal Science No. 8, 2021. 30 s.

[9] Shagiev B.V., Kamyshov A.A. The emergence and development of the institution of subsidiary liability in the modern history of Russia ./Education and law, 2023. № 2. 371 pp.

[10] Review of judicial practice in bankruptcy cases of citizens (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025)//ConsultantPlus.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42 dated December 23, 2025 “On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 dated December 21, 2017 “On Certain Issues Related to Bringing the Debtor’s Controlling Persons to Justice in Bankruptcy “//ConsultantPlus.

[12] United Kingdom Supreme Court Decision 12.06.2013 Prest v. Petrodel Resources Ltd//Jurisprudence, 2013, no. 5 (310)